

<https://krasopera.ru/press/interview/kak-stat-zvezdoy-v-rodnom-otechestve.htm?ysclid=lp0di1uxat288442786>

Музыкальная ЖИЗНЬ

15 августа 1990 год Марина ИСТЮШИНА

Как стать звездой в родном отечестве

Честно признаюсь – я была поражена, когда, отправившись в Зал имени Чайковского на концерт Дмитрия Хворостовского, едва сумела пробиться ко входу через милицейское оцепление, неистовую толпу и кордон билетеров. Да, истосковалась московская публика по хорошим голосам, по новым певческим именам. Но это с одной стороны, а в другой? Там ли уж часто филармонии и оперные театры дарят столичным зрителям радость встречи с молодыми талантами, неординарными личностями, к тому же, имеющими громкую славу и гастролирующими где угодно – в Западной Европе, Японии, США, Южной Америке, Австралии, но только не в родном отечестве.

Славы Дмитрию Хворостовскому не занимать, но вот много ли возможностей у певца реализовать себя на отечественной оперной сцене или в наших концертных залах? С этого вопроса и началась моя беседа с 27-летним заслуженным артистом РСФСР, лауреатом Всесоюзного и международных конкурсов, солистом Красноярского театра оперы и балета Дмитрием Хворостовским.

– Наверное, самое обидное в творческой карьере – это невозможность реализовать себя в полной мере, почувствовать себя по-настоящему свободным в выборе репертуара, театра, дирижера, ансамбля солистов. Многие, возможно, меня упрекнут в том, что я почти не пою в Красноярске – на родине. Но если нет своего репертуара, то о каком творческом удовлетворении можно говорить?

...Впервые я услышала Дмитрия Хворостовского года три назад в коронной для русских баритонов заглавной партии в опере Чайковского «Евгений Онегин». Прекрасные внешние данные молодого артиста как нельзя более гармонировали с мягким, сочным, тембрально насыщенным голосом, которому хотелось внимать до бесконечности. Хворостовский вошел в спектакль, поставленный когда-то самим Станиславским, вошел естественно и свободно. Помогало ему в этом, конечно же, мастерство умной и чуткой партнерши Галины Писаренко. Стереотип оперного Онегина, немолодого, искушенного светского льва, был преодолен. Думается, что необычайная одаренность артиста, рано проявившаяся творческая интуиция позволили певца раскрыть перед нами образ Онегина в сложной гамме чувств и поступков. В сцене первого объяснения с Татьяной в саду Онегин растерян не менее, чем сама девушка, отважившаяся первой объясниться в любви своему избраннику – казалось, что герой потрясен этим смелым поступком, совершенным вопреки всем правилам хорошего тона. Нельзя забыть и сцену дуэли, ее трагический финал, в котором одно лишь слово, короткий вопрос «Убит?!» вобрал в себя и надежду на счастливый исход, и ужас перед содеянным, и острое чувство раскаяния...

Появление 24-летнего певца из далекого Красноярска перед московской публикой стало подлинной сенсацией, вызвало самый живой интерес к его творчеству.

– Я коренной сибиряк, – рассказывал мне в ту пору Хворостовский. – Родился в Красноярске, на берегу Енисея. Любовь к пению привил мне отец, который сам прекрасно пел. Мои родители всеми силами поддерживали во мне желание посвятить себя искусству. В 15-16 лет у меня определился баритон, а в 19 я стал студентом Института искусств. Учился у Екатерины Константиновны Иофель. Это большое счастье. Моему педагогу понадобилось много труда, чтобы сформировать не только мой голос, но и воспитать культуру пения, развить чувство стиля. Третьекурсником дебютировал на сцене Красноярской оперы в «Фаусте», пел Валентина. Быстро вошел в репертуар. Все партии готовил с Екатериной Константиновной, которая стала для меня второй матерью, у нее я всегда нахожу поддержку и внимание по сей день. Екатерина Константиновна готовила меня к Всесоюзному конкурсу молодых певцов имени Глинки в 1987 году. Здесь меня ожидала победа – я стал лауреатом первой премии.

Дмитрия Хворостовский произвел огромное впечатление на этом конкурсе. Несмотря на юный возраст, он продемонстрировал все качества профессионала – хорошую школу, высокую исполнительскую культуру, артистизм. Победа на глинкинском конкурсе открыла перед ним двери концертных залов и театров Москвы Ленинграда, Новосибирска, Казани, где во время традиционного Шаляпинского фестиваля он блестяще спел партию Елецкого в «Пиковой даме». Видимо, не случайно через год Дмитрий дебютирует перед европейскими слушателями именно в этой партии. Но этому спектаклю в Ницце предшествовала первая победа певца на международном конкурсе...

– Почему-то о моем Красноярском крае, который я объездил вдоль и поперек с концертами, принято говорить, что он равняется четырем Франциям. Может быть, поэтому меня и отправили на очень престижный конкурс молодых певцов в Тулузу. У меня остались самые чудесные воспоминания о том времени, но мне кажется, я чувствовал бы себя еще лучше, если бы не условие, запрещающее публике аплодировать во время конкурса. Возглавлял жюри директор «Гранд опера» Рольф Либерман. Он и организаторы конкурса явились инициаторами спектаклей в Ницце с участием лауреатов...

Этот разговор происходил во время Шаляпинского фестиваля в Казани, и мы не могли обойти темы, которая нас всех, участников и гостей фестиваля, очень волновала. В это время проходил первый конкурс имени Шаляпина, собравший молодых профессиональных певцов во всей стране.

– Мне кажется, – говорил тогда Хворостовский, только что вернувшийся из Тулузы, – что казанский конкурс проходит на очень высоком уровне. Может быть потому, что он делается местными силами, а не чиновниками из Москвы. Я здесь слышу очень хорошие голоса. Но его организация оставляет желать лучшего. Конкурс предполагает оперное пение, а оно должно звучать с оркестром, здесь же третий тур под рояль мне представляется организационным недоразумением. Более того, само помещение – Концертный зал консерватории, мне кажется непригодным к конкурсным прослушиваниям и по внешнему виду и по акустике. Но сама идея великолепна. Этот конкурс должен иметь тот же статус, что и конкурс Чайковского, тем более что страна не балует нас конкурсами. Но даже когда они проводятся, реклама, как правило, отсутствует, сколько ни говорили, из года в год повторяется одно и то же. Для сравнения, включите сейчас телевизор: вы увидите отборочное прослушивание в Юрмалу. Что же касается Шаляпинского – увы! Почему журналисты так редко обращаются к темам, связанным с воспитанием любви к классической музыке, с положением артистов, работающих в этом жанре? А в то же время всевозможные рок-группы, фестивали эстрадных жанров всегда находят место и на страницах прессы, и в программах телевидения. Поверьте, я не ханжа и не брюзга, сам начинал петь в рок-группе и, знаете, неплохо получалось. И сегодня, несмотря на то, что я оперный певец, вполне способен испытать удовольствие, слушая интересно работающую поп-группу. Но моя жизнь отдана классическому искусству, и мои первостепенные заботы, разумеется, отданы ей.

Кризис в оперном театре – это зеркальное отражение общего состояния культуры в стране, и быстро исправить его невозможно. Нет ничего более вредного для театра, чем бездушное формальное управление. Нельзя смотреть на театр, как на казарму, где солдаты – артисты, а командиры – администраторы. Отсюда все болезни нашего оперного дела. Артист не чувствует себя в казарменных условиях личностью, от которой зависит судьба искусства. Как можно по-настоящему реализовать себя в условиях административно-командной системы, когда на каждого из нас приходится по десятку чиновников? Мое поколение уже потеряно.

...Шла зима 1989 года, а летом Дмитрий Хворостовский собирался в Великобританию на Международный конкурс молодых вокалистов в Кардифф, который проводила

радиотелевизионная корпорация Би-би-си. Кстати говоря, советская вокальная школа в его лице впервые представлялась на этом труднейшем состязании. И Хворостовский выдержал испытание с честью – стал победителем, имеющим право до следующего конкурса носить высокий титул «певец мира». Условия конкурса в Кардиффе были настолько сложны и предъявляли к молодым вокалистам столь высокие требования, что победитель имел полное право носить целый год столь громкое звание.

Программа Хворостовского включала оперные арии Чайковского, Верди, камерное творчество немецких, итальянских, французских, английских композиторов. И несмотря на такое разнообразие репертуара, певец продемонстрировал глубокое понимание интерпретируемой им музыки и заслужил высокое мнение о себе со стороны публики и прессы, назвавшей его «лучшим баритоном нового поколения».

По возвращении из Кардиффа Дмитрий Хворостовский дал серию сольных концертов в лучших залах Москвы, Ленинграда, Красноярска, побывал на гастролях в Молдавии и в Крыму, которые проходили, как говорилось в старину, при огромной стечении публики.

Перед нами предстал 27-летний мастер, владеющий всеми тайнами вокального искусства, артист редкой искренности и непосредственности. Художник романтического склада, пленяющий возвышенностью чувств и высокой человечностью. Он вводит вас в свой мир идеалов пения, поражающего не мощью голосовых связок, а филигранным звучанием каждой ноты, каждой фразы. Надо быть среди слушателей, чтобы самому ощутить напряженную тишину зала, внимающего русской песне «Ноченька», идущей от сердца исполнителя. Невольно вспомнились слова великого итальянского баритона Тито Гобби о том, что красивый голос это хорошо, но и чрезвычайно мало, ибо певцу необходимо обладать еще величайшей культурой и искренностью чувств...

Слушая Дмитрия Хворостовского весной нынешнего года, я уже с улыбкой вспоминала его слова, сказанные в Казани, о загубленности поколения певцов, к которому принадлежит он сам. После концерта я попросила Хворостовского поделиться своими мыслями о том поистине феноменальном положении, в котором оказался наш оперный

театр. Почему наших молодых певцов открывает Запад и только «с его подачи» начинают обращать внимание на них отечественная публика, пресса, телевидение? Почему происходит не наоборот? Ведь и до конкурсов в Тулузе и Кардиффе Хворостовский пел нисколько не хуже в Красноярске или в Казани...

– Я не буду оригинален, если скажу, что нашу конкурсную систему, как и систему прослушиваний на западные конкурсы, нужно ликвидировать в первую очередь, если мы хотим, чтобы наши молодые певцы получали популярность в своем отечестве не «с подачи» Запада. Приведу пример: после многотрудного глинкинского конкурса я стал известен лишь в узком кругу профессионалов, а когда стал победителем в Кардиффе, меня узнал весь мир. За столом жюри там собирались крупнейшие музыканты, а не учителя, проталкивающие своих учеников-вокалистов. Организаторы конкурса полностью доверяли компетентности жюри и с чистой совестью разослали по всему миру кассеты с конкурсными записями лауреатов. Кроме того, все, что происходило на конкурсе, широко освещалось в прессе, на радио, телевидении. Благодаря такой постановке дела мы нашли друг друга с моим импресарио Марком Хилдрию. Первое, что сделал мой импресарио, когда я приехал в США, он созвал пресс-конференцию для представителей прессы самого разного толка, иностранных агентств, я фотографировался для самых популярных журналов. Так стоит ли удивляться, что затем последовали приглашения во многие крупнейшие оперные театры США и Европы?

– Надо сказать, что и наша отечественная пресса в нынешнем году уделяет вам завидное внимание по сравнению с другими...

– Да, газеты в разных аспектах освещают мою жизнь, но в большинстве случаев не с моего согласия и не с моего ведома. Я часто прихожу в ужас от того, что читаю. В частности, в «Правде» появилась беседа Кривомазова, в которой искажены мои слова, факты. В контексте этой беседы я предстал таким удальцом, сибирским валенком, рвачом и хапугой. «Моя» речь пересыпана жаргонными словечками, которых я никогда не употребляю. Очень жаль, что меня сподобили предстать перед моими слушателями в таком недостойном виде.

На Западе мои гастроли задолго готовятся импресарио через прессу, радио, рекламу. Разумеется, он вкладывает в такую серьезную подготовку большие деньги, но и отдача велика – полные залы. У нас от артиста не требуют вкладывать средства в рекламу, но даже если бы он захотел, то куда бы обратился? Или такой пример. Находясь в Москве, я не знал о концертах Паваротти, проходивших в Москве же, как не знал и о трансляции по Ленинградскому телевидению «Бориса Годунова», поставленного Кировским театром по образцу спектакля Андрея Тарковского в «Ковент Гарден». И телевизор смотрю, и газеты читаю, а вот о таких крупных событиях узнал только после того, как они состоялись.

– Как вы понимаете свободу творчества? Вы свободны поступать так, как считаете нужным?

– По моим наблюдениям, в наше беспокойное время, когда осуществляются политические, экономические реформы, те, кто управляет культурой, не могут не

считаться с изменившейся ситуацией. Сейчас я работаю в Союзконцертом по договорным обязательствам – это система, которая позволяет моим гонорарам расти в зависимости от моей популярности у публики и спроса не только в нашей стране, но и на Западе. Связью с моим импрессарио «заведует» Музыкальное общество, которое при том, что абсолютно ничем не помогает, вначале брало с меня 50% от моих гонораров, потом 30%, но я считаю, что и этого слишком много. Понимаю, что в связи с ростом гонораров растем и цена на билеты, но думаю, что сейчас она просо мизерна. Я полагаю, что и оперные театры должны перейти на контрактную систему. Какой отдачи и стремления работать можно ждать от певца оперного театра в том же Красноярске, если его зарплата в 150 рублей приравнена к зарплате дворника?

Мне всегда хотелось работать с Евгением Владимировичем Колобовым, которого я считаю одним из лучших оперных дирижеров в Москве. Я думаю, что это мой дирижер, который помог бы мне реализовать многие мечты о партиях, о спектаклях в Музыкальном театре имени Станиславского и Немировича-Данченко. Но проходит время, а вопрос обязательной прописки и квартиры в Москве продолжает висеть в воздухе...

– Если учесть, что «заграница» не дремлет, в то время, как Москва набирает рабочих по лимиту и даже экспортирует их из Вьетнама, но оказывается не в состоянии пригласить на столичные оперные сцены певцов с мировым именем, своих же соотечественников, то стоит ли удивляться паломничеству на концерты Гулегиной, Туманяна, Хворостовского?

– У меня буквально с каждым месяцем увеличивается число контрактов на Западе, так что мое пребывание в стране исчисляется уже днями. Однако я ни в коей мере не отказываюсь от работы здесь, но считаю, что она должна осуществляться только на основе контрактов. Кстати сказать, в Красноярской опере я уже работаю по контракту.

Мне очень близка идея Валерия Гергиева превращать каждый спектакль в событие, этот дирижер неумоимо пытается в наших противоестественных условиях «прикрепленности» артиста к своему театру создавать ансамбль из приглашенных со всей страны лучших исполнителей. Этот путь давно и успешно апробирован на Западе.

– Вы принадлежите не только к молодой, но и новой генерации советских вокалистов, которая пользуется популярностью на Западе. Какие трудности и певцов вашего поколения возникают за рубежом?

– Наше поколение чувствует себя на Западе более раскованно и комфортно, чем предыдущее. Разумеется, я говорю о тех, кого лично знаю. Все они – Ольга Бородина, Мария Гулегина, Барсег Туманян, Наталья Дацко владеют языками, что дает им возможность свободного общения, они могут самостоятельно вести свои финансовые дела. На своем примере почувствовал, что надо быть большим «докой», дабы не быть обманутым. На мое счастье, мне повезло – я нашел честного и принципиального импресарио, который берет на себя львиную долю организации гастролей.

– Что впереди?

– Планы настолько обширны, что я даже боюсь ошибиться. Это гастрольные выступления во многих странах Европы, США, Японии – концерты, записи, выступления в оперных спектаклях.

У нас в Красноярске есть великолепный концертный зал с органом, я часто бывал там на концертах и еще с детства мечтал когда-нибудь петь «в ансамбле» с этим дивным инструментом. Может быть, поэтому я рано начал увлекаться музыкой Баха, Генделя, Скарлатти, музыкой барокко. Сегодня я готовлю программу этой музыки с пианистом Михаилом Аркадьевым для записи на фирме «Филипс». Есть договоренность о моих концертах с итальянским ансамблем музыки барокко, в котором музыканты играют на старинных инструментах. Предполагаются совместные концерты с нашим отечественным Ансамблем старинной музыки под управлением Светланы Безродной. Но петь русскую музыку требует все мое существо певца.

Очень люблю творчество Чайковского, чье 150-летие со дня рождения отмечает в этом году весь музыкальный мир. Онегин, Елецкий, Мазепа – эти партии постоянно в моем репертуаре. Собираюсь петь Онегина в спектакле «Метрополитен опера». Пою романсы Чайковского, а петь их, несмотря на кажущуюся легкость, необычайно сложно. Гораздо сложнее, чем, скажем, Верди и вообще итальянскую музыку, которая создана для пения. В сентябре вместе с Натальей Троицкой мы открываем концертный сезон на сцене Большого театра СССР, где и я не пел никогда, а моя партнерша – в гастрольном спектакле «Ла Скала». В октябре еду в Милан учиться – готовить партию Родриго в «Дон Карлосе». Думаю, что этот тот путь для наших певцов, на котором они могут стать достойными партнерами своих европейских коллег в итальянской опере. И вместе с тем, я мечтаю о том времени, когда европейские певцы будут приезжать к нам брать уроки у Валерия Гергиева или Евгения Колобова, чтобы достойно петь русскую оперу...